А.П.Хмелевская
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Формы перфекта в Венском Октоихе конца XII – начала XIII в.

древнерусский перфект, сложные претериты

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 15 04 00283 «Древнерусский глагол: функционирование и эволюция».

Венский Октоих (другое название – Кодекс Ганкенштейна) – сборник богослужебных текстов галицко-волынского происхождения (кат. Birkfellners (№ II / 141; cod. slav. 37)). Интерес для исследования представляет древнейшая часть памятника (она же – основной текст), созданная, как предполагают исследователи, на рубеже XII – XIII вв. Анализ палеографических особенностей приближает датировку к началу XIII века [Хмелевская 2017].

По своему содержанию и жанровым особенностям Венский Октоих можно условно разделить на две части: первая, занимающая 208 листов (лл. 1 л. – 156 об., лл. 238 л. – 290 об.), содержит собственно богослужебные тексты (воскресный октоих, дневные каноны, кондаки и общие службы); вторая, меньшая по объему и занимающая 82 листа (лл. 156 об. – 238 л.), – евангельские тексты. Употребление форм перфекта в Венском октоихе во многом зависит от коммуникативной задачи текстов, в которых он употреблялся.

В исследовании участвовали все формы перфекта, обнаруженные в тексте Венского октоиха. В настоящий момент памятник публикуется на портале «Манускрипт»; выборка производилась по фотокопии рукописи, предоставленной коллегами из Института славистики Венского университета.

В тексте Октоиха отмечено 230(+2)[1] форм перфекта. Данные о распределении форм перфекта в Венском Октоихе представлены в таблице.

	2 л. ед. ч.	3 л. ед. ч.	3 л.мн.ч.	2 л. дв. ч.	Без связки
Богослужебный текст (71%)	186	28	1	–	3
Евангельский текст (29%)	5	2	–	1	4

Как видно, памятник отличается последовательным употреблением глагола-связки в перфекте: из 230 форм перфекта 222 имеют в составе глагол *быти*.

Практически всегда перфект имеет структуру л-причастие + глагол-связка в постпозиции. Исключение составляют 3 перфекта, находящиеся в евангельской части Октоиха: ѥсн съсалъ (162 об.), ѥсн вꙁѧлъ, ѥсн н положилъ (187 л. – 187 об.).

Как видно, преобладающее большинство форм перфекта имеют форму 2 и 3 л.ед.ч. Большое число форм 2 л.ед.ч. перфекта особенно характерно для церковно-проповеднического типа текста, составляющего основу Октоиха, и обусловлено его коммуникативной функцией – прямым обращением к богу, богородице и святым во время службы [Силина 1995: 451]: въшьдъ на кр҃тъ въꙁнеслъ ѥсн всѧ съмѣренꙑнꙗ н къ себе с҃псе прѵвлѣклъ ѥсн н славꙑ бѣтвьнꙑнꙗ сподобилъ ѥсн ѹлвкꙑ ст҃рти твоꙗ

[1] 2 перфекта мы не включили в исследование, потому что они находятся в конце обрывающейся строки: процвѣла ѥ…. (16 л.) и въꙁꙑпилъ… (137 л.).

славѧщаꙗ (60 об. – 61 л.), поемъ твоꙗ велꙋниꙗ бн҃иꙗ родителꙗнице ты бо ѕаꙋала есн невѣмѣстнмааго въ оутробѣ твоеи б҃а нашего (275 л. – 275 об.) и т.д.

В евангельских чтениях перфект 2 лица ед.ч. встречается только в прямой речи, которая подразумевает обращение к собеседнику и связь с настоящими событиями: пришедъше же рабн г҃дніа рѣша емоу г҃ди не добро ли сѣмѧ сѣꙗлъ есн на селѣ своемь (157 л.) и др.

В тексте также встречается одна форма перфекта 3 лица мн. числа и одна форма 2 лица дв.ч.: Жѫлуѣ оубо не камене медъ сѫсавшьн въ поустынн ꙋюдеса сѫтворьшемоу тебе приннесли соуть х҃е (52 л.), реꙋе же к нимъ аще дх҃ъ ст҃ын прнꙗли есте вѣровавъше (158 об.).

Из 230 употреблений перфекта только 7 не имеют глагола-связки: поустынн тѧ житьлѧ непроходнмаго нмѣла (117 л.), вѣщатель ти дв҃це гаврнлъ посылаемъ радоунсѧ въѕпнлъ (146 л.), реꙋе же павелъ нѡанъ оубо крт҃нлъ крщ҃ение на покаꙗние (159 л.) и др. Шесть из них употреблены в контексте 3 л. ед.ч. (при 30 формах перфекта 3 л. ед.ч. со связкой). Для книжных памятников преобладание в 3 л.ед.ч. форм со связкой являлось нормой [Зализняк 2008: 257], но наличие 6 форм без связки может свидетельствовать о том, что в живом древнерусском языке она отсутствовала [Пичхадзе 2001: 329].

Перфект мог образовываться от имперфективной и от перфективной основы. Последний тип является преобладающим среди всего количества перфектов в октоихе: только 10 перфектов были образованы от основ глаголов несовершенного вида: провѣщалъ есть 45 об., былъ есн 115 л., нмѣла 117 л., сѣꙗлъ есн 157 л., крт҃нлъ 159 л., есн сѫсалъ 162 об., вѣньꙋалъ 50 об., проповѣдалъ есн 242 об., шьствовал есн 270 л., 271 л. Значительное преобладание перфектов совершенного вида говорит о том, что для перфекта было характерно значение законченного действия.

Для перфекта действительно изначально было характерно значение состояния, являющегося результатом действия, совершенного в прошлом [Зализняк 2004: 175]. Древнерусский перфект наследует семантику результативности и отнесенность к плану настоящего от индоевропейского перфекта, и в некоторых источниках это значение указывается как единственное у перфекта [Борковский 2006]. Однако наделение древнерусского перфекта семантикой результата действия (и вообще употребление термина «перфект» для древнерусских сложных претеритов со структурой глагол-связка быть в наст. времени + причастие на –л) представляется не совсем удачным. Связь с настоящим временем, выраженная глаголом-связкой, придавала формам перфекта, скорее, значение эвиденциальное, удостоверительное [Жолобов 2016: 1236].

Преобладающее большинство форм перфекта в литургической части Октоиха – это так называемые статальные перфекты с глаголом-связкой (см. примеры выше). Большое количество таких глаголов обусловлено опять же коммуникативной функцией богослужебного текста – это обращение к богу и святым, а также «покаянный рассказ богу о своих деяниях и грехах» [Силина 1995: 450], который предполагает сохранение связи с настоящим временем.

Значение удостоверительности особо отчетливо проявляется у перфектов в диалогах из евангельских текстов: пришедъше же рабн г҃дніа рѣша емоу г҃ди не добро ли сѣмѧ сѣꙗлъ есн на селѣ своемь (157 л.) и др.

Помимо значения состояния, вызванного действием в прошлом, древнерусский перфект также выражал значения, присущие другим претеритам: аористу (однократ-

ное действие в прошлом), плюсквамперфекту (действие, произошедшее до определенного действия или события в прошлом).

Формы перфекта могут соседствовать с формами аориста, входя с ними в ряд однородных сказуемых. Перфект при этом приобретает аористное значение. Выбор перфекта в таких случаях мог быть обусловлен стилистически: по наблюдениям Силиной, перфект в литургическом тексте употребляется, когда речь идет о сакральном действии, о страданиях Христа, о деятельности бога, тогда как аорист – когда речь идет о непримечательном действии [Силина 1995: 450]: крьстъ боудоущнмъ благмъ явленъ ст҃ль намъ грѣхъ разорилъ есть обновивъ страньнын поуть своюю кръвню въ съвершеноуноушю винде сѣнь (5 л. – 5 об.) и др.

Выбор во 2 л.ед.ч. перфекта, а не аориста, очевидно, объясняется стремлением избежать двусмысленности, т.к. форма аориста 2 лица ед. ч. совпадает по форме, во-первых, с 3 лицом ед. ч., а во-вторых, с императивом от основы на –ити, что создало бы нежелательную двусмысленность. [Пичхадзе 2001: 327]: на ст҃ртн вся яко левъ въскоунлъ есн ѡ҆ре а҃пле (257 об.).

В евангельской части октоиха 8 перфектов из 12 входят в конструкции с прямой речью, реализуя удостоверительное значение. 4 перфекта имеют значение однократного действия в прошлом: б҃ъ нъ а҃плы послѣдннкы явилъ акы насмертьннкы (163 л.), во тъ часъ въздрадовася дх҃омь нс҃ъ и рече исповѣдаютися ѡ҃че гн҃ нб҃сн и земли яко оутаилъ есн ѡт прѣмоудрыхъ и разоумныхъ ѡткры сн младѣньцѡмъ (216 об.) и др.

Кроме того, в одном контексте форма перфекта употребляется в контексте действия, произошедшего перед другим действием в прошлом, т.е. в значении плюсквамперфекта: искахоу же ятн и и никто же възложи рукы на нь яко не оубо прншла годнна его (231 об.).

Мы описали наиболее показательные особенности употребления форм перфекта в Венском октоихе; результаты, полученные нами, позволяют сделать следующие выводы:

1. В Венском октоихе наблюдается большое количество форм перфекта – 230. Употребление его последовательно: 222 имеют глагол-связку, 219 из них имеют структуру, с глаголом-связкой в постпозиции. В октоихе преобладают формы 2 и 3 лица ед. ч.

2. Преобладание форм 2 л. ед. ч. было обусловлено коммуникативной функцией текстов, которые вошли в сборник (их можно разделить на две группы – собственно богослужебные и евангельские). Большое количество обращений и конструкций с прямой речью делает необходимым присутствие форм 2 л. ед. ч.

3. Формы перфекта, которые встретились в Венском октоихе, имеют, как правило, семантику состояния, являющегося подтверждением действия в прошлом, однократного действия в прошлом или действия, предшествующего этому действию. При этом в последних двух случаях выбор перфекта мог обусловливаться стилистическими причинами: например, для подчеркивания сакральности, важности совершаемого действия.

Литература

Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И.Борковский, П.С.Кузнецов. – М.: КомКнига, 2006. – 512 с.

Жолобов О.Ф. Функционирование сложных претеритов в памятниках древнейшей поры / О.Ф.Жолобов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 5. – С.1234–1245.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект / А.А.Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 879 с.

Зализняк А.А. Древнерусские энклитики / А.А.Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 280 с.

Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект / А.А.Пичхадзе. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. – 408 с.

Силина В.Б. Перфект / В.Б.Силина // Древнерусская грамматика XII-XIII вв. – М.: Наука, 1995. – 520 с.